
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шулимова Анна Анатольевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Института экономики и управления в медицине и социальной сфере; shulimova@mail.ru

В статье проведено институционально-эволюционное исследование социальной ответственности русской крестьянской общины. Рассмотрены базовые институты родства и соседства как компенсационный механизм возмещения недостатка материальных и трудовых ресурсов социальным капиталом в условиях натурального хозяйства. Дефицит капитала и слабая рыночная ориентация – экономические проблемы современного российского крестьянства, привычным способом решения которых является воспроизводство традиций трудовой взаимопомощи и добрососедства.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, институциональная экономическая история, крестьянская община, социальный капитал, неформальная экономика.

Интенсивная разработка и внедрение адаптивных стратегических моделей устойчивого развития фирмы – одна из важнейших позитивных тенденций эволюции современного корпоративного бизнеса, к которой российские компании прибывают преимущественно на основе импорта института социальной ответственности бизнеса (СОБ). Как феномен рыночной экономической системы СОБ возникла в результате деградации и распада традиционных систем социальной поддержки. Между тем деструкция института общинной социальной ответственности не устраняет полностью его атрибуты из институционального пространства России. Традиции, обычаи, ценности и нормы прежних институтов хранятся в глубинах социальной памяти в формате экогенетической информации, представляя «институциональную основу генерации и воспроизводства новых социальных форм закрепления функций и видов человеческой деятельности» [10, с. 52].

По мере усложнения институции хозяйства и перехода на новый уровень общественного развития социокультурная информация о традиционных со-

циальных гарантиях и механизмах социальной защиты, изменяя средства воздействия на мысли и действия людей, транслируется из культурного наследия на современные механизмы институциональной стабилизации экономики и общества. Анализ происхождения, развития и рутинизации института социальной ответственности российских крестьян-общинников особенно важен для экономистов, поскольку позволяет выявить сущность, основы, модернизационные и трансформационные способности базовых элементов института СОБ в России, определить возможности его межсистемного переноса в институт фирмы.

Зарождение первых компонентов институциональной системы России опосредовано объективным процессом обособления и первоначального закрепления обособленных хозяйственных функций, формирования первичных социальных структур и организаций жизнедеятельности. Древний человек, разорвав первобытное единство с природой, занял определенное место в структуре первых социальных систем и институциональных форм коллективного бытия – в институте семьи и общины. В системе примитивного замкнутого хозяйственного цикла эти первичные формы общественного быта обеспечивали устойчивость межличностных взаимодействий по осуществлению сельскохозяйственных институций, выполнение которых на индивидуальной основе недостижимо.

Материально-техническую основу общинной солидарности Древней Руси составляла трудоемкая технология обработки почвы, требовавшая значительной концентрации и координации трудовых усилий [22, с. 72]. Производственная практика подсеčno-огневого земледелия, хотя и воспроизводилась непродолжительное время в период первичного освоения лесных угодий, однако существенно повлияла на формирование российских производственных и распределительных традиций. Ведь хозяйственный опыт и культура экстенсивного земледелия, аккумулирующие частные решения проблем освоения новых земель, встроены в процесс воспроизводства института русской сельской общины.

Функциональную основу первых социальных организаций человеческого быта составила институция всепроникающего родства. Изначально «предки наши не знали семьи, они знали только род, который означал всю совокупность степеней родства как самых близких, так и самых отдаленных» [29, с. 47]. Родство как первичная основа совместного бытия в простейших обществах представляло «наиболее легкий и, возможно, чуть ли не единственный путь возникновения общих интересов» [28, с. 57], морально оправданный способ выживания и регулирования повседневной жизни.

По мере накопления опыта общественного взаимодействия биологическая основа общества (единство крови) подкреплялась психологическими, культурными, юридическими и религиозными элементами, в числе которых «почитание родоначальника, авторитет старейшины, общее имущество, круговая самооборона (родовая месть)» [15, с. 18]. Институция родства,

усложняясь в процессе воспроизводства поколений и общества, переросла в институцию семейства. В результате их комплексной реализации на основе естественного разделения труда и возникла семейная организация хозяйства и быта крестьян, которая уже содержит когнитивный компонент, поскольку «является результатом мышления, планирования и действия» [24, с. 159].

Родственные связи оформили внутреннюю микроструктуру большой патриархальной семьи, формируемую на основе доминирования институции старейшинства. Высокий социальный статус престарелых акторов обеспечивали институции лидерства, отцовства/дедовства и мастерства. В мире суровой неопределенности природы и ограниченных знаний индивида старейшины исполняли роль эксперта и проводника, передавая новым поколениям «привычные модели хозяйственного поведения, в основе которых находится аналоговый принцип, подразумевающий использование схем, алгоритмов комплексов действий, обеспечивших в прошлом оптимальный результат» [19, с. 6]. Реализация производственных институций древнего человека происходила на основе привычек, обычаев, ритуалов, преданий, что не замещало функций отца семейства по согласованию и упорядочиванию совместных действий в рамках семьи как первичной формы организованного поведения [37, с. 69].

Важной вехой в формировании первых форм социальных гарантий явился переход к оседлости, формирование институций соседства и землячества (см. табл.). Институция хлебопашества стала «первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу, и наконец, самую любовь к отечеству» [12, с. 178]. Устойчивый характер работы пахаря, требующий кропотливого повторения действий по возделыванию почвы, недостижим без системного учета природных закономерностей, координации соседских усилий в организации посевных и уборочных работ. Постепенно институция соседства вытесняет институцию родства в институте общинной взаимопомощи.

С переходом к пашенному земледелию меняется характер землепользования. Важнейшей предпосылкой доступа к общинной земле становится оседлость крестьянина. Приобретая права собственности на землю, крестьянин по существу становится «собственником прав на социально признанные действия» [36, с. 16-27] в рамках земледелия – «эмпирического, механически передаваемого по наследству занятия» [23, с. 147], участником взаимодействия по вопросам доступа к естественным ресурсам и коллективным благам, составляющим основу его жизнедеятельности.

Определенные социальные гарантии и высокие моральные обязательства персональной взаимопомощи в обыденной жизни представляла система особых равноправных двусторонних отношений, обеспечиваемых институциями побратимства и кумовства. В их основе – институция братства как ядро производственной кооперации в рамках большой семьи, где трудоспо-

собные мужчины обладали одинаковым статусом. Многосторонние отношения взаимности в масштабах всей общины поддерживала круговая порука – механизм консолидированной ответственности за уплату податей и мирской ответственности за полицейский порядок [14, с. 41].

Таблица

Эволюция институций социальной ответственности
русской крестьянской общины

Институция	Традиционное содержание	Современное значение
Мужичество	Выполнение грубой неспециализированной физической работы в сельском хозяйстве, осуществление полевых и иных сельскохозяйственных работ, обустройство дома, управление домохозяйством	Персонализация ответственности мужчины-хозяина за благосостояние семьи, институциональное обеспечение соблюдения неформального контракта в ситуации, когда в качестве гарантии выступает «мужское слово»
Землячество	Пространственно-территориальное замыкание воспроизводственных процессов и хозяйственных взаимодействий	Взаимная поддержка участников неформальных локальных сообществ средствами самоуправления за пределами территории, обозначившей их пространственно-культурное единство
Земледельство	Обработка почвы, производство продуктов питания и деревенского обихода	Комплекс взаимосвязанных агрономических приемов и мероприятий по ведению приусадебного и фермерского хозяйства
Семейство	Социальное оформление естественного разделения труда, воспроизводство поколений и передача хозяйственного опыта	Первичная группа лиц, объединенная родством, реализующая функции производства и возмещения человеческого и социального капитала на основе взаимности, духовной и родственной близости
Соседство	Упорядочивание взаимодействий, основанных на территориальной близости	Реализация общих интересов местных сообществ, возникающих на основе территориального единства
Равенство	Равномерное распределение ресурсов и условий производства	Центральная идея гражданского общества, отсутствие дискриминаций, создание равных возможностей для развития человеческой личности
Товарищество	Совместное участие в хозяйственной деятельности, трудовая поддержка	Вид коллективного предпринимательства, хозяйственное объединение нескольких лиц, которые соединяют свои личные усилия и имущественные вклады для ведения общего предприятия и реализации совместной хозяйственной цели
Братство	Идеологическое оформление коллективного единения мужчин, взаимное действие, совместный труд для достижения общих целей, реализации солидарного интереса	Вид альтруистического поведения, сознательное или бессознательное жертвование собственными интересами ради более мощного побудительного мотива; добровольное религиозное и иное духовное объединение граждан для реализации просветительской, образовательной, благотворительной деятельности

Источник: составлена автором

Но все же ведущие военно-полицейские функции в раннефеодальный период исполнялись агентами формирующихся институтов государственной власти, ведь «родня не могла обеспечить полную защиту человеку, которому в ту эпоху грозило множество опасностей» [3, с. 143]. Набеги кочевников, представлявшие перманентную угрозу разорения материальной базы хозяйства, нивелировали преимущества изолированного существования сельских общин. В результате «коллективные потребности многочисленных разрозненных племен, осваивавших и социализировавших природное пространство в достаточно агрессивном внешнем окружении, заключались в установлении стабильности и порядка» [10, с. 54]. Реализация этих жизненных потребностей древнерусского общества сопряжена со значительными уступками в пользу княжеской власти. Монополизировав оборонительную функцию и право на применение насилия, князь и его дружина на основе даннических отношений постепенно приобрели экономическое влияние.

Содержательную сторону этого институционального процесса составляет разделение институций общинства и воинства, формирование социальных различий между «лучшими мужами» и мужиками. Данный процесс в теории Т. Веблена определен как начальный этап формирования праздного класса, в течение которого вслед за обособлением институции воинства произошло формирование институциональных контуров двух диаметрально противоположных образов жизни и складов характера – хищнического и миролюбивого.

Идеальный тип российского крестьянина подобрал те миролюбивые черты, которые значительно облегчали ему жизнь и взаимодействие в группе, в числе которых «правдивость, миролюбие, добрая воля и несоперническая, независтническая заинтересованность к людям и вещам» [6, с. 228]. В то же время обозначились и те ментальные особенности, которые сдерживали экономический прогресс: «безволие, беспомощность, отсутствие инициативы и изобретательности, а также уступчивое и ленивое добродушие вместе с живым, но не существенным чувством враждебности» [6, с. 227]. Подобная двойственность менталитета российского крестьянина прочно закрепилась в системе его социальных убеждений и отмечалась даже в XIX в. Так, изображая типичный характер русского мужика, Кеннард Г. отметил, что «в нем много простоты прямоты, доверчивости, готовности повиноваться тому, кого он действительно считает авторитетом, и все это соединено с природной хитростью, порожденной самым его невежеством и поддерживаемой инстинктом самосохранения» [13, с. 17-18].

Скудность трансформационных факторов, усиленная регулярными насильственными изъятиями необходимого и прибавочного продукта в виде грабежей кочевников, сбора податей и иных княжеских выплат, направила вектор социально-экономического развития России в сторону углубления феодальной зависимости свободных крестьян. Смерд мог обратиться за помощью к феодалу для хозяйственного обзаведения арендуемой у него

земли, т.е. для получения покрупы [8, с. 97]. Из недр общины выделились и другие неимущие категории земледельцев – рядовичи, закупы, изгои – лица, не способные самостоятельно организовать или поддерживать хозяйство и вынужденные искать работы и защиты у феодала. Долговая кабала содержала реальные опасности превращения земледельца в холопа, чьи трудовые способности переходили в полное распоряжение господина. Хотя острые социальные проблемы незначительно корректировались государством и православной церковью, но, не обладая достаточными ресурсами для поддержания социально незащищенных слоев, данные институты не препятствовали созданию системы внеэкономического принуждения.

Последующая эволюция российского крестьянства неразрывно связана с социальным закреплением и легализацией институции крепостничества под воздействием «внешних слабоконтролируемых и неподконтрольных условий общественного бытия, активировавших в форме неожиданных «макросистемных» событий» [10, с. 146] мощные импульсы неопределенности и угроз жизнедеятельности. Доминантой экономического развития становятся долгосрочные негативные эффекты татаро-монгольского владычества, элиминировавшие гарантии жизни и безопасности из крестьянского общинного быта в южнорусских областях. Оптимальным способом минимизации экстремальных рисков хозяйствования стала массовая крестьянская миграция – пресловутое «брожение» крестьянина.

Переселение на новые свободные или частновладельческие земли изменило характер отношений землепользования. Захват черных (великокняжеских или свободных) земель предполагал для будущего общинника принятие тягла «по разверстке общинных властей» и подчинение в административном отношении власти княжеских чиновников (волостелей и становщиков) [32, с. 183]. В случае же поселения на частных землях крестьянин заключал договор с землевладельцем, определяющим арендную плату, подати и повинности в соответствии с величиной земельного участка.

При анализе институциональной природы российского общинного землепользования московского периода необходимо учитывать специфику контрактных отношений в сельском хозяйстве, которую определяют следующие институциональные обстоятельства:

- необходимость разделения риска неопределенности между сторонами контракта;
- уровень обеспеченности работника собственными производственными ресурсами, в том числе предпринимательскими способностями;
- угроза одностороннего разрыва контракта;
- издержки контроля (надзора) за исполнением условий контракта, особенно в условиях вовлечения собственных ресурсов [34, с. 249].

Условия крестьянского договора фиксировались в подрядных грамотах или записях, но чаще оговаривались устно. Принципиальное значение в условиях крестьянской бедности и дефицита или полного отсутствия соб-

ственного оборотного капитала – рабочего инвентаря, скота и даже хлеба на посев и прокорм до жатвы – приобретала материальная поддержка феодала при хозяйственном обустройстве крестьян на новом месте.

Подряд крестьянина на хозяйственное освоение пустошей и заброшенных земель представлялся собой договор по исполнению комплементарных обязательств аренды земли и найма трудовых ресурсов. Труд землепашца повышал стоимость обрабатываемой земли, ведь «ценилась не просто земля, а «ропашь» – земля, уже освобожденная от леса и распаханная, к которой уже были приложены рабочие руки», и притом постоянно поддерживаемая в пахотном фонде. Ведь оставленная без обработки земля быстро зарастала, и «опять приходилось вырубать деревья, сжигать их, корчевать пни и поднимать сохой целину» [17, с. 42]. Для землевладельца было выгодной сделкой обзаведение хозяйством «неписьменных» крестьян – соседей, подсоседников, захребетников – лиц, которые прежде помогали податному крестьянину в работах, но не принимали на себя «тягла». Следовательно, подмогу, льготу и ссуду следует рассматривать как вынужденные затраты землевладельца на формирование «прибыльного двора» – двора крестьянина, «который пришел со стороны и посажен на тягло вновь» [7, с. 27], а потому формирующаяся система полицейского сыска беглых защищала в большей мере экономические интересы государства.

Риск одностороннего разрыва земледельческого подряда по инициативе крестьян минимизировался системой поручительства крестьян того же владельца, либо сторонних людей, которые в случае неисполнения обязательств платили заставу (неустойку) [16, с. 65]. В дальнейшем гарантией оседлости становится известная давность поселения или жительства (старожильство), которая являлась лишь формальным обобщением фактической невозможности выхода задолжавших крестьян [8, с. 339], ведь недоимки были неподъемным бременем вследствие тяжести государственных налогов, феодальных повинностей и оброков. По мере углубления зависимости именно оброк, размеры которого определялись волей помещика, интересы которого требовали «доведения оброка до возможного максимума» [31, с. 132], определял невозможность рассчитаться крестьянина по своим долгам.

Процесс замыкания сельской общины «подстегивался» социально-политическим и идеологическим фактором, обусловившим закрепление самодержавия и политического единства страны на основе поместной системы землевладения. Власть помещика и власть земли над крестьянином поддерживалась натурально-потребительским характером аграрного производства, ведь «значительная часть повседневных отношений не выходила за пределы вотчинной или поместной околицы» [1, с. 51].

Поддержание общественного порядка возлагалось непосредственно на общину, что создавало «еще один вид крепостнических отношений, который можно назвать корпоративным крепостным правом. Отдельный крестьянин

попадал под столь сильную власть и опеку общины, что не мог предпринять какое-либо важное действие без ее санкции» [25, с. 434]. В результате русская крестьянская община утвердилась как «система патриархальных и максимально закрытых по отношению к внешнему миру отношений» [26, с. 362], которая отражала объективные процессы замыкания крестьянского двора на собственных потребительских нуждах, когда «любая потребность семьи должна быть удовлетворена из собственного хозяйства и продукт нужного качества должен быть произведен в натуральной форме» [31, с. 118]. В условиях чрезвычайного риска натуральное крестьянское хозяйство следует рассматривать не только как «организацию, длительно обеспечивающую наилучшее при данных условиях народного хозяйства использование труда крестьянской семьи» [4, с. 217], но и традиционный образ жизни, реализовывающий адаптивные стратегии выживания в институциональном пространстве деревенской общины.

Институт социальной ответственности русской крестьянской общины – это особый институт феодализма, представляющий генотипическую модель закрепления институций крестьянской солидарности за отдельными семьями, воплощающийся в системе правил, норм, обычаев, ритуалов и ценностей соседской взаимовыручки и трудового сотрудничества. Эволюционное становление внутренних общинных механизмов решения социальных проблем происходило на основе институции добрососедства. Причем преобладала трудовая форма социальной поддержки – взаимопомощь, что объясняется острым дефицитом материально-денежных ресурсов, отсутствием коллективных запасов зерна. Ведь еще в удельный период в целях укрепления оседлости «крестьянам не дозволялось от правительства строить житницы, а велено было держать зерновой хлеб в ямах» [18, с. 34]. К тому же низкая продуктивность сельского труда не позволяла создать общественные страховые запасы, ведь «беда русского земледелия была не в том, что оно не могло прокормить хлебороба, а в том, что оно было никак не в состоянии произвести порядочных излишков» [27, с. 22].

После окончательного утверждения крепостного права прежние инструменты социальной поддержки – хозяйские ссуды, льготы и подмоги – утратили былое значение средства обогащения феодала вследствие невозможности дальнейшего углубления зависимости крестьян. Ведь бесправное положение российского крестьянства позволило землевладельцу установить максимально высокий размер феодальной ренты, близкий к пороговому значению, при котором дальнейшее наращивание крепостной нагрузки оборачивалось реальной угрозой разорения крестьянского хозяйства и утраты им платежеспособности.

Оброчные и барщинные крестьяне нередко воспринимали помещичье имущество как резервный фонд, к которому в случае необходимости можно обратиться и без разрешения хозяина. Русский «крестьянин мог легко позаимствовать вещь, в которой, по его мнению, законный владелец не нуждался» [27, с. 208]. Правовое сознание крепостного подчинялось сле-

дующей логике: сельскохозяйственный инвентарь, орудия труда, древесина в господском лесу и другие природные и капитальные ресурсы, как и сам крестьянин, были собственностью землевладельца, а значит, если крестьянин будет использовать их для повышения собственного благосостояния, то может с полным основанием взять эти вещи. Наказание последует, если господские ресурсы будут использованы ненадлежащим образом [38, с. 97], т.е. приведены в негодность и станут недоступны для дальнейшей эксплуатации.

Крестьянин «в то же самое время выказывал весьма острое чувство собственности, если речь шла о земле, скотине или орудиях других крестьян, поскольку эти вещи были надобны для заработка на хлеб» [27, с. 208]. В данной ситуации действовало неформальное ограничение, продуцированное институцией добрососедства и производными от нее традициями взаимопомощи, при которых реализовывалось устремление обойтись минимумом наличных средств при выполнении трудоемких и/или срочных работ. Ведь рынок всегда представлял враждебную крестьянину среду, не укладывающуюся в узкие рамки деревенской ментальности. Для простого мужика тесные персональные взаимосвязи с соседями всегда предпочитались неличным отношениям индивидуалистской культуры капитализма.

Трудовая взаимопомощь была жизненной необходимостью в условиях высокой напряженности сельского труда во время жатвы: «часто бывает так: на одних участках данного селения хлеб вызревает совершенно, на других же время зрелости еще не наступило. Промедлит владелец первых участков жатвою – значит даст колосьям осыпаться, и вот каждый из них созывает помощь» [11, с. 21]. Координация усилий работников в общине позволяла не только экономить организационно-управленческие транзакционные издержки, но и гарантировать физическое выживание семей.

Русская крепостная деревня продуцировала и поддерживала сеть институционально-экономической стабилизации воспроизводства, для которой «характерна высокая приспособленность к вызовам прошлых эпох. Например, распределительные нормы имеют больше плюсов, чем минусов, когда они принципиально необходимы в качестве средства взаимного страхования и поддерживают долгосрочную социальную сплоченность общины в мире, изобилующем серьезными рисками, от которых невозможно оградиться» [35, с. 125]. Вынужденная институция равенства поддерживала «равноправность всех членов общества по земельному владению, равное разверстание всех полевых угодий между всеми взрослыми рабочими» [5, с. 100]. Уравнительно-передельное землепользование поддерживалось на государственном уровне, поскольку являлось «элементом балансировки потоков сдач-раздач» [2, с. 91] в макросистеме государственного управления.

Экспансия товарно-денежных отношений, Столыпинская аграрная реформа, коллективизация сельского хозяйства, экономические преобразования советских и постсоветских времен уничтожили крестьянскую общину как

форму организации деревенского быта, но не эмитировали традиции взаимопомощи и взаимовыручки из аграрного сектора России. Длительное воспроизводство экономических отношений в формате социальной близости (родственной, соседской, земляческой и т.п.) обусловило преобладание в образе мыслей крестьянства стереотипов поведения, привычек и ментальных конструкций коммунитарного характера (см. подробнее [39]).

Кардинальные институциональные изменения переходного периода сопровождались резким сокращением ресурсно-технологических возможностей российского крестьянства, что негативно отразилось на уровне благосостояния сельских жителей. Сокращение реальных доходов и первичной занятости на селе, диспаритет цен, импорт дешевого продовольствия, социальная дифференциация и другие проблемы аграрного сектора – свидетельства кризиса становления российских агрорынков [33, с. 458-471]. Привычной реакцией сельского сообщества на экзогенные негативные эффекты трансформационного процесса явилось распространение неденежных транзакций в формате неформальной экономики. В повседневной жизни крестьян «укореняются» соседские и родственные денежные займы, взаимный обмен услугами, забота о доме во время отсутствия хозяев, помощь в обработке приусадебного участка и уходе за крупным рогатым скотом, советами при принятии важных хозяйственных решений и трудоустройстве, помощь при обмене различными вещами, услугами, мелким сельхозинвентарем и получении кормов, поддержка при совершении крупных покупок, строительстве дома и подсобных помещений и т.п. практики [21, с. 83].

Система соседской взаимовыручки и взаимопомощи реализуется как средство выживания в условиях галопирующей инфляции, острого дефицита денежных средств и физического капитала в российской деревне. Институции родства и добрососедства, материализованные в уровне располагаемых материальных благ и взаимных услуг, представляют основу социального капитала сельского жителя – системы связей и обязательств, имплицитных договоренностей и ожиданий, которые могут быть использованы для получения личной выгоды.

Простые деревенские жители в условиях трансформационного спада экономики оказались менее всего приспособлены к депресонфицированным капиталистическим отношениям, к стихии рынка. Чрезвычайные риски сельского предпринимательства, угрозы потери имущества, дохода и даже жизни в пространстве криминализированных и слабoreгулируемых рынков обусловили процесс замыкания крестьянства на системе внутренних связей. В ситуациях крайней неопределенности рынка сельские обыватели «явственнее обособливаются в узких кругах своих семей и друзей, сосредоточивая ограниченные ресурсы таких «локальных сетей» на цели выживания» [9, с. 61]. Мероприятия правительства по социальной поддержке граждан не смогли противодействовать процессу замыкания деревни в неформальных структурах сетевой экономики. Не удалось создать атмосферу социальной без-

опасности – неперемного условия устойчивых рыночных взаимодействий. Более того, государственные трансфертные выплаты включились в систему нефиксируемых трансакций, представляя собой «межпоколенческие взаимопересекающиеся потоки перемещения материальных и денежных ресурсов, услуг» [21, с. 85] от родителей-пенсionеров к взрослым официально неработающим детям и в обратном порядке. Неформальная экономика села обеспечивает минимальные стандарты существования ее участникам, но сдерживает стимулы к труду, новаторству и предприимчивости.

Означает ли это, что модернизация российской экономики достижима лишь на основе вытеснения норм, традиций, обычаев крестьянского товарищества институтами новой экономики? А значит, русской деревне предстоит пережить болезненные преобразования в формате институциональных заимствований и проектирований, отягощенных механизмом культурной инерции, эффектом гистерезиса, неоднократных возвратов на прежнюю траекторию экономического развития.

Новейшие научно-исследовательские разработки показывают, что в контексте территориальной политики социальной ответственности задача рыночной ориентации села может быть решена не кардинальной ломкой, а институциональной адаптацией этноэкономики. Для этого необходимо реализовать комплекс мероприятий по повышению социальной активности агропредприятий, изменению статусов, властных и карьерных поощрений сельских граждан, созданию патерналистского имиджа субъектов хозяйствования [20, с. 116]. При эволюционном становлении СОБ способна к самоподдержанию баланса адаптивных и креативных, исполнительских и творческих функций на основе социального капитала и культурно-исторического наследия местных сообществ.

В контексте эволюции мини-экономики интенсивное внедрение концепции СОБ в практику агробизнеса обусловлено *нагнетающим давлением социальной среды и трансформацией института фирмы в свое рода «средовую систему», размытая граница которой определяется интеракционным контуром в пространстве рыночных и нерыночных трансакций* (см. подробно [30]). Потребности институциональной стабилизации фирмы за счет оптимизации социальных условий развития бизнеса реализуются посредством маркетинговых инноваций, связанных с фокусировкой субъектов СОБ на социально значимых проблемах села. Забота работодателя и предпринимателя как корпоративного гражданина в долгосрочной перспективе способна заместить привычные механизмы социальной поддержки, ослабить негативные эффекты неформальных связей, интегрировав позитивный потенциал общинной социальной ответственности в систему корпоративного управления.

Итак, социальная ответственность русской крестьянской общины позволила выработать традиционные механизмы выживания селян в чрезвычайных ситуациях и в условиях враждебной рыночной конъюнктуры. Родственная

и соседская взаимопомощи возмещают дефицит ресурсов акторов неформальной экономики, но реализуют присущие им функции стабилизации и воспроизводства только в узких рамках местных сообществ. В свете отмеченных тенденций актуальная задача государственного регулирования и корпоративного управления – создать систему «социальных лифтов», способных трансформировать социальный капитал локальных сетей в структуры производственной кооперации и трудового сотрудничества инновационного рыночного формата.

Список источников

1. Александров (Ольминский), М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России [текст] / М. Александров (Ольминский). – СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1910. – 176 с.
2. Амосов, А.И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: закономерности социального и экономического развития: монография [текст] / А.И. Амосов // Институт экономики РАН. – М.: ЛКИ, 2009. – 312 с.
3. Блок, М. Феодальное общество [текст] / М. Блок // Editions Albin Michel. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
4. Бруцкус, Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика [текст] / Б.Д. Бруцкус. – СПб.: Право, 1922. – 235 с.
5. Васильчиков, А.С. Община против коммунизма [текст] / А.С. Васильчиков // Платонов О.А. Экономика русской цивилизации. – М.: ИРЦ, 2008. – С. 181 – 184.
6. Веблен, Т. Теория праздного класса [текст] / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
7. Веселовский, С.Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси [текст] / С.Б. Веселовский. – М.-Л.: АН СССР, 1947. – Т. 1. – 495 с.
8. Дьяконов, М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси [текст] / М. Дьяконов. – СПб.: Право, 1908. – 509 с.
9. Иншаков, О.В. «Простые люди» и индикаторы развития [текст] / О.В. Иншаков, Д.П. Фролов // Экономист. – 2006. – № 11. – С. 60 – 66.
10. Иншаков, О.В. Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX – XXI вв.) : монография: в 4 т. [текст] / О.В. Иншаков, Д.П. Фролов. – М.: Экономистъ, 2007. – Т. 1. – 511 с.
11. Капустин, С.Я. Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей [текст] / С.Я. Капустин. – СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1877. – 99 с.
12. Карамзин, Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. [текст] / Н.М. Карамзин // История государства Российского. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – Т. 1. – 576 с.
13. Кеннард, Г. Русский крестьянин [текст] / Г. Кеннард. – СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1908. – 262 с.
14. Ключевский, В.О. История сословий в России: полный курс лекций [текст] / В.О. Ключевский. – Минск: Харвест, 2004. – 208 с.
15. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Полный курс лекций [текст] /

- В.О. Ключевский. – М.: АСТ. – Минск: Харвест, 2002. – Т.1. – 592 с.
16. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций [текст] / В.О. Ключевский. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. – Т. 2. – 592 с.
17. Кобрин, В.Б. Власть и собственность в средневековой России [текст] / В.Б. Кобрин. – М.: Мысль, 1985. – 278 с.
18. Костомаров, Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях [текст] / Н.И. Костомаров. – М.: Республика, 1992. – 301 с.
19. Лебедева, Н.Н. Функции «человека институционального» [текст] / Н.Н. Лебедева // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2005. – № 5 – С. 5 – 10.
20. Лебедева, Н.Н. Социальный капитал и модернизация этноэкономики Юга России [текст] / Н.Н. Лебедева, О.А. Ломовцева // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 109 – 118.
21. Лылова, О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе [текст] / О.В. Лылова // Социологические исследования. – 2002. – № 2. – С. 83 – 86.
22. Мавродин, В.В. Образование древнерусского государства [текст] / В.В. Мавродин. – Л.: ЛГУ, 1945. – 433 с.
23. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии [текст] / К. Маркс. // Процесс капиталистического производства, взятый в целом. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 3. – Кн. III. – Ч. 2. – 450 с.
24. Мизес, Л.Ф. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории [текст] / Л.Ф. Мизес. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.
25. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. [текст] / Б.Н. Миронов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – Т. 1. – 548 с.
26. Олейник, А. Модель сетевого капитализма: учеб. [текст] / А. Олейник // Институциональная экономика / Под общ. ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 704 с.
27. Пайпс, Р. Россия при старом режиме [текст] / Р. Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
28. Рэдклифф-Браун, А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции [текст] / А. Рэдклифф-Браун. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.
29. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен [текст] / С.М. Соловьев // Русь изначальная. – М.: Голос, 1993. – Кн. 1. – Т. 1-2. – 768 с.
30. Фролов, Д.П. Институциональная системность социальной ответственности бизнеса (природа, институции, механизм) [текст] / Д.П. Фролов, А.А. Шулимова // Журнал институциональных исследований. – 2013. – Т. 5. – № 1. – С. 124 – 144.
31. Чаянов, А.В. Крестьянское хозяйство: избранные труды [текст] / А.В. Чаянов. – М.: Экономика, 1989. – 492 с.
32. Черепнин, Л.В. Образование русского централизованного государства

в XIV–XV веках [текст] / Л.В. Черепнин. – М.: СоцЭкЛит, 1960. – 746 с.

33. Шулимова, А.А. Трансформация роли российского аграрного сектора в отраслевой структуре мировой экономики [текст] / А.А. Шулимова // Российское село в XXI веке: проблемы и перспективы материалы Первой Всероссийской конференции по социологии села. – Краснодар: КГАУ, 2004. – С. 458 – 471.

34. Эггертссон, Т. Экономическое поведение и институты [текст] / Т. Эггертссон. – М.: Дело, 2001. – 408 с.

35. Abraham, A. Participatory Development in the Presence of Endogenous Community Imperfections [текст] / A. Abraham, J.-P. Platteau // Journal of Development Studies. – 2002. – Vol. 39 (2) – P. 104 – 136.

36. Alchian, A. The Property Right Paradigm [текст] / A. Alchian, H. Demsetz // The Journal of Economic History. – Vol. 33. – № 1 (March 1973). – P. 16 – 27.

37. Commons, J.R. Institutional Economics [текст] / J.R. Commons. – Madison: University of Wisconsin Press, 1934. – 400 p.

38. Russian life in town and country by Francis H.E. Palmer [текст]. – New York: The Knickerbocker press, 1901. – 320 p.

39. Shulimova, A. Communal grounds of the Russian institutional model of corporate social responsibility [текст] / A. Shulimova // The Strategies of Modern Science Development: Proceedings of the II International scientific-practical conference. – Yelm: Science Book Publishing House, 2013. – P. 45 – 49.

INSTITUTIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE RUSSIAN COUNTRY COMMUNITY: HISTORY AND PRESENT

Shulimova Anna Anatolyevna,

Ph. D. of Economics, Associate professor of the Chair of Management, The institute of economy and management in medicine and social services; shulimova@mail.ru

In article institutional and evolutionary research of social responsibility of the Russian country community is conducted. Basic institutions of relationship and the neighborhood as the compensation mechanism of compensation of a shortcoming material and manpower by the social capital in the conditions of a subsistence economy are considered. Deficiency of the capital and weak market orientation is economic problems of the modern Russian peasantry, which decision is reproduction of traditions of labor mutual aid and neighborliness.

Keywords: social responsibility of business, institutional economic history, country community, social capital, informal economy.